

и небытия. И то, и другое направлено на достижение той предельной, пятой ступени познания, где уже нет нужды ни в имени, ни в речи, ни в изображениях. На схожих позициях стояли и ранние академики, практически ничего не добавившие к диалектическому учению Платона и занимавшиеся главным образом делениями и определениями; исключение среди первых академиков составил, разумеется, Аристотель.

Итак, подводя итоги первого этапа оформления языковой теории, можно сказать, что приблизительно ко времени Аристотеля диалектическое учение о речи выглядело уже достаточно разработанным. В отношении видов речи общее движение мысли шло к выделению таких словесных выражений, которые могли бы быть квалифицированы как истинные и ложные, чего еще не предполагалось первоначальным разделением речи на вопрос, ответ, просьбу и приказание, предложенным Протагором. И напротив, мегарики пришли к выделению аксиом, а Платон — к составлению из имен и глаголов предложений (λόγοι), которые он разделял, в свою очередь, на утверждение и отрицание. Таким же образом и мегарские философы делили аксиомы на утвердительные и отрицательные и, кроме того, на простые и сложные, а сложные — на условные, разделительные и соединительные. Что касается учения о частях речи, то здесь определяющее значение имело различение имени и глагола, намеченное, судя по всему, еще Протагором и развитое Платоном. Протагором же были выделены роды имен и времена глагола — настоящее, прошедшее и будущее. Кроме того, в Мегарской школе были выделены подлежащее и сказуемое (категорема), проведено различие между выражением совершенного и продолжающегося действия.

§ 4. Учение Аристотеля о речи

Основы языковой теории Аристотеля

Грамматикой как таковой в свои зрелые годы Аристотель, конечно, не занимался, а кроме того, резко отрицательно относился к попыткам придать буквам какой-либо посторонний смысл, как это видно из его отзыва о пифагорейцах, приведенного в предыду-

щем параграфе. Не занимался он и лингвистикой в привычном для нашего времени смысле; однако именно языковая теория, созданная Аристотелем, легла в основание и позднейшей грамматики, и современной лингвистики, сохраняя свое значение до наших дней.

Дело в том, что язык не рассматривался Аристотелем как нечто самоценное и достойное внимания само по себе (подобный взгляд, надо сказать, появляется только ближе к XIX веку); язык, речь — это, прежде всего, средство — средство для выражения мыслей. Но не любое применение языка интересует Аристотеля, а лишь то, которое требует определенного искусства. Едва ли бы ему пришло в голову исследовать обычный разговорный бытовой язык, которому человек обучается естественным образом и безо всякого искусства. Аристотеля интересуют лишь те сферы использования речи, которые ставят себе определенные, особенные задачи: «К [области] мысли относится все, что должно быть достигнуто словом; части же этой задачи — доказывать и опровергать, возбуждать страсти (такие как сострадание, страх, гнев и тому подобные), а также возвеличивать и умалять»⁷⁸ — так Аристотель определяет сферы приложения трех основных словесных искусств.

Итак, первое — это диалектика⁷⁹, наука о доказательстве и опровержении; второе — это поэтика, наука о составлении сказаний, возбуждающих страсти: эпоса, трагедий, комедий и проч. — то, что теперь мы бы назвали художественной литературой; третье — риторика, наука о составлении речей, возвеличивающих одно и порицающих другое. Все эти три науки или искусства имеют непосредственное отношение к слову, к речи. Именно в рамках этих дисциплин Аристотель и развивает свою теорию языка. Причем поскольку диалектическое искусство выше поэтического и риторического, то и та теория, которая строится для нужд диалектики, кладется им в основание учения о речи применительно к поэтике и риторике.

Собственно говоря, «Органон» в своей целокупности и есть диа-

⁷⁸Поэтика, 1456a 36–40.

⁷⁹Здесь уместно заметить, что Аристотель разделил привычное содержание диалектики на две части: собственно диалектику и аподейктику; в первой речь идет о вероятностном знании, во второй — о достоверном. Однако для целей нашего исследования это разделение не принципиально, поскольку учение о речи одно и то же, что для аподейктики, что для диалектики, поэтому далее речь будет идти просто о диалектике.

лектическое учение о речи, т.к. все содержание «Органона» так или иначе относится к речи. То же самое можно сказать и о «Поэтике», и о «Риторике»⁸⁰. Поэтому нарочитое выделение из того же «Органона» какой-то отдельной от всего остального языковой теории есть, конечно же, модернизация. Тем не менее, все же можно попытаться выделить те вопросы, которые касаются собственно технической стороны речи, т.е. ее особенного устройства, отделив их от вопросов использования и предназначения речи. При этом, однако, следует иметь в виду, что первые зависят у Аристотеля от вторых, а не наоборот, т.е. техническая сторона речи исследуется постольку, поскольку она представляет интерес для главных целей исследования; в случае «Органона» — это доказательство и опровержение.

Итак, язык, речь для Аристотеля — это средство для достижения определенных целей. И пытаться конструировать какую-либо аристотелевскую теорию языка вне этих целей — бессмысленно. В нашем случае мы лишь для экономии места опустим ряд специфических целей, ради которых строится исследование, не забывая, тем не менее, об основных целях диалектики. Это позволит нам в отношении диалектического учения о речи ограничиться преимущественно анализом тех положений, касающихся языка, которые присутствуют в первых книгах «Органона» — в «Категориях» и «Об истолковании».

Деление частей речи в книге «Об истолковании»

Изложение учения о речи в трактате «Об истолковании» показывает явную зависимость Аристотеля от его учителя, Платона: «Прежде всего следует установить, что такое имя и что такое глагол; затем — что такое отрицание и утверждение, высказывание и речь»⁸¹, — так начинается свое сочинение Стагирит. Как можно видеть, предлагаемые вопросы почти буквально следуют тому ходу изложения, которого придерживался Платон в «Софисте»; исключение составляет лишь особенное выделение высказывания

⁸⁰Поскольку сведения, сообщаемые Аристотелем о языке в «Риторике», существенно не отличаются от того, что говорится об этом предмете в «Поэтике» и в «Об истолковании», содержание «Риторики» ниже не анализируется.

⁸¹Об истолковании, 16а 1–3 (здесь и далее цитаты из трактата «Об истолковании» приводятся в переводе Э. Л. Радлова).

(ἀπόφανσις), чего не было у Платона. Подобно тому как мысли являются знаками вещей, так и слова — знаки мыслей: «То, что в звукосочетаниях, — это знаки представлений в душе, а письмена — знаки того, что в звукосочетаниях. Подобно тому, как письмена не одни и те же у всех [людей], так и звукосочетания не одни и те же. Однако представления в душе, непосредственные знаки которых суть то, что в звукосочетаниях, у всех [людей] одни и те же, точно так же одни и те же предметы, подобия которых суть представления»⁸². Итак, по Аристотелю, структура языка следует за структурой внешнего мира, посредствующим звеном чего служат представления (ψυχῆ παθήματα) — своего рода отпечатки в душе.

Речи, а вместе с ними и представления делятся на такие, которые могут быть истинными или ложными, и такие, которые не обладают этим свойством: «Подобно тому как мысль то появляется в душе, не будучи истинной или ложной, то так, что она необходимо истинна или ложна, точно так же и в звукосочетаниях, ибо истинное и ложное имеются при связывании и разъединении»⁸³, — повторяет Аристотель мысль из «Софиста». Как на такие звукосочетания, которые еще не истинны или ложны, он указывает на имя и глагол: «Имена же и глаголы сами по себе подобны мысли без связывания или разъединения, например, “человек” или “белое”; когда ничего не прибавляется, нет ни ложного, ни истинного, хотя они и обозначают что-то: ведь и “козлооленъ” что-то обозначает, но еще не истинно и не ложно, когда не прибавлен [глагол] “быть” или “не быть” — либо вообще, либо касательно времени». Здесь важным добавлением Аристотеля является указание на разъединение слов, чего еще не было у Платона. Кроме того, отнюдь не случайно в конце этого предложения упоминание времени — именно признак наличия (или отсутствия) указания на время Аристотель и положил в основу своих определений имени и глагола: «Имя есть такое звукосочетание с условленным значением безотносительно ко времени, ни одна часть которого отдельно от другого ничего не означает»⁸⁴, — последнее условие добавлено Аристотелем, вероятно, в том числе и для того, чтобы предостеречь своих последователей от злоупотребления этимологиями, весьма популярными в диалектических спорах того

⁸²Там же, 16а 5–9. — Отсюда следует также, что Аристотель представлял себе различие языков как основывающееся только на различии слов.

⁸³Там же, 16а 10–13.

⁸⁴Там же, 16а 20.

времени⁸⁵. Поэтому ему и приходится принять допущение, что в сложных составных именах их части не имеют значения: «Имена имеют значение в силу соглашения, ведь от природы нет никакого имени. А [возникает имя], когда становится знаком, ибо членораздельные звуки хотя и выражают что-то, как, например, у животных, но ни один из этих звуков не есть имя»⁸⁶.

Далее, и этого уже нет у Платона, Аристотель кроме собственно имени выделяет неопределенное имя, или имя с отрицанием, и падежи имен: ««Не-человек» не есть имя; нет такого имени, которым можно было бы его назвать, ибо он не есть ни речь, ни отрицание. Пусть он называется неопределенным именем. «Филона» же или «Филону» и тому подобное не имена, а падежи имени. Смысл их остается тем же самым, но вместе с [глаголом] «есть», или «было», или «будет» они не выражают истины или лжи, имя же [вместе с глаголом] всегда их выражает»⁸⁷. Отрицательные имена, таким образом, не включают в собственно имя вследствие слишком неопределенного значения, а падежи — потому что они не могут быть подлежащим высказывания. В этом, надо сказать, проявляется та же двойственность в отношении имен и глаголов, которая наблюдалась и у Платона: имя и глагол мыслятся Аристотелем не только как особые части речи, но и как члены предложения, подлежащее и сказуемое, поэтому-то падежи и не включаются в число имен как таковых.

Особое внимание падежам Аристотель уделяет в «Тописке»⁸⁸, которая по традиции считается одним из самых ранних его произведений. Это позволяет предположить, что падежи имен и глаголов были выделены еще в Академии при жизни Платона, а может быть, и еще раньше.

Глагол Аристотель определяет следующим образом: «Глагол есть [звукосочетание], обозначающее еще и время; часть его в отдельности ничего не обозначает, он всегда есть знак для сказанного

⁸⁵ «Диалектики должны всячески избегать такого рода способа, [т. е.] остерегаться рассуждать по поводу имен, разве только в том случае, когда кто-нибудь иначе рассуждать о предмете не в состоянии», — пишет Аристотель в «Тописке» (108a 34–36) (здесь и далее цитаты из «Тописки» приводятся в переводе М. И. Иткина).

⁸⁶ Об истолковании, 16a 25.

⁸⁷ Там же, 16a 30–16b 3.

⁸⁸ См., напр.: Там же, 106b 30; 114a 25–114b 5; 118a 30–35.

об ином»⁸⁹. Под иным же подразумевается, по словам Аристотеля, какое-либо «подлежащее или то, что находится в подлежащем»⁹⁰, которое, в свою очередь, обозначается именем. Итак, глагол означает время — важная деталь, введенная в теорию грамматики Аристотелем (различает времена он так же, как их различал еще Протагор, — настоящее, прошедшее и будущее). Вместе с именами, Аристотель выделяет также неопределенные глаголы: *нездоров*, *неболен*, а также падежи глаголов. Падежи глаголов, в отличие от имен, изменяются по временам; собственно глаголом Аристотель считает лишь глагол настоящего времени, а падежи обозначают «время до и после настоящего». Связано это, по всей видимости, с тем, что только высказывания о настоящем времени допускают в ряде случаев непосредственную верификацию, а именно это и важно для Аристотеля; в то же время верификация высказываний о прошлом и будущем приводит к некоторым затруднениям, часть из которых (по отношению к высказываниям о будущем) как раз и анализируется Аристотелем далее в «Об истолковании» (гл. IX), а то, что касается высказываний о прошлом, — ранее.

Речь (*λόγος*) определяется Аристотелем как «такое смысловое звукосочетание, части которого в отдельности что-то обозначают как сказывание, но не как утверждение или отрицание»⁹¹. «Но не всякая речь есть высказывающая речь, а лишь та, в которой содержится истинность или ложность чего-либо; мольба, например, есть речь, но она не истинна и не ложна»⁹². Прочие виды речи Аристотель относит к компетенции риторики и поэтики, оставляя за диалектикой право заниматься лишь высказываниями. Далее, как и у Платона, высказывания разделяются на утверждение и отрицание, а кроме того, Аристотель подразделяет их, подобно мегарикам, на простые и сложные. Простое высказывание определяется им, с учетом всего вышеизложенного, как «звукосочетание, обозначающее присущность или неприсущность чего-то с различием во времени»⁹³.

Как можно видеть, в основу изложенного учения положено различие следующих характеристик речи: наличия/отсутствия значе-

⁸⁹Там же, 16b 5–7.

⁹⁰Там же, 16b 10–12.

⁹¹Там же, 16b 25–27.

⁹²Там же, 17a 3–5.

⁹³Там же, 17a 23–24.

01 . eps

Схема 1. Теория языка Аристотеля согласно трактату
«Об истолковании».

ния; наличия/отсутствия значащих частей; отношения ко времени; выражения истины или лжи. В соответствии с первым критерием звукосочетания делятся на осмысленные и неосмысленные (например, крики животных), в соответствии со вторым различаются сказывание (*φάσις*) и речь; третье деление — по отношению ко времени — дает имя и глагол; и, наконец, речи, заключающие в себе истину и ложь, выделяются в качестве высказываний. Высказывание состоит из имени и глагола: «Каждая высказывающая речь необхо-

димо заключает в себе глагол или изменение глагола»⁹⁴ и делится на простое и сложное, а простое высказывание — на утверждение и отрицание. «Утверждение есть высказывание чего-то о чем-то. Отрицание есть высказывание, [отнимающее] что-то от чего-то»⁹⁵. Теория языка из трактата «Об истолковании» представлена в схеме 1.

Категории

Итак, структура языка по Аристотелю, как говорилось выше, следует за структурой мира, и посредствующим звеном для этого служит мысль. Мысль и речь в этой системе связаны достаточно прочно, и Аристотель не может принять мнения тех, кто строго различает то, что относится лишь к слову, и то, что относится к мысли: «Нет различия между доводами, о котором говорят иные, будто одни из них касаются слова, а другие — смысла. Ведь нелепо полагать, будто доводы, касающиеся слова, и доводы, касающиеся смысла, разные, а не одни и те же. Ведь что значит “не касается смысла”, как не то, что употребляют слово не в том значении, с каким спрошенный согласился и в каком, как он полагает, его спросили. Это и значит касаться слова. А касаться смысла — значит употреблять слово в том значении, какое имел в виду [отвечающий], когда дал свое согласие»⁹⁶. Лишь только относящееся к материальной стороне знака — буквам и слогам — может быть названо имеющим отношение исключительно к слову, а не смыслу; все же прочее, поскольку относится к значению слова, должно быть признано равно имеющим отношение и к слову, и к смыслу.

Но допуская такой параллелизм, следует помнить о возможных ловушках языка: «В самом деле, так как нельзя при рассуждениях приносить самые вещи, а вместо вещей мы пользуемся, как их знаками, именами, то мы полагаем, что то, что происходит с именами, происходит и с вещами, как это происходит со счетными камешками для тех, кто ведет счет. Но соответствия здесь нет, ибо число имен и слов ограничено, а количество вещей неограничено»⁹⁷. Таким об-

⁹⁴Там же, 17а 10–11.

⁹⁵Там же, 17а 25.

⁹⁶О софистических опровержениях, 170b 10–20.

⁹⁷Там же, 165а 5–12.

разом, Аристотель, следуя общему руслу намеченной им теории, признает лишь количественное расхождение слов и вещей.

К числу ловушек языка, создающих затруднения при понимании, прежде всего относятся омонимия (одноименность), синонимия (соименность) и паронимия (отыменность), с рассмотрения которых начинается трактат «Категории». Это произведение, в отличие от трактата «Об истолковании», не столько развивает учение о частях и видах речи, сколько продолжает ту линию исследований, которая была намечена в платоновском «Кратиле». Содержанием «Категорий» является анализ значений изолированных слов, т. е. то, что составляло ранее предмет учения о правильности имен. Так, следуя, возможно, Демокриту, Аристотель называет одноименными «те предметы, у которых только имя общее, а соответствующая этому имени речь о сущности разная», соименными «те предметы, у которых и имя общее, и речь о сущности одна и та же», и отыменными «предметы, которые получают наименование от чего-то в соответствии с его именем»⁹⁸. В первом случае одно имя обозначает несколько различных предметов, что является следствием того, что имен меньше, чем вещей; во втором случае, напротив, одна и та же вещь называется по-разному, в частности, о виде сказывается и имя вида, и имя рода; и в третьем случае речь идет о связи имен, проистекающей из связи предметов.

Далее Аристотель подразделяет все высказываемое на говорящего «в связи» и «без связи». Говорящееся в связи — это составленные из имен и глаголов высказывания: *человек побеждает*, *бык бежит* и проч., т. е. те высказывания, о которых Платон упоминает в «Софисте», а сам Аристотель рассматривает в трактате «Об истолковании». Трактат «Категории», напротив, посвящен анализу того, что говорится «без связи»; роды этих высказанных без связи слов Аристотель и называет категориями. Как было отмечено выше, речь Аристотель представляет существующей параллельно миру вещей, с тем отличием, что слов меньше. Поэтому и свое учение о категориях он предваряет соотнесением того, что существует, и того, что сказывается о существующем.

Соответственно, может быть четыре следующих соотношения между подлежащим и сказуемым (которое также может обозначать вещь, ее действие или свойство): первый тип возможных сказуемых

⁹⁸Категории, 1а 1–15.

говорится о некоторых подлежащих, но сам не находится ни в каком подлежащем — это высказывания рода о виде или вида об индивидуе, например: *Сократ — человек*. Второй тип находится в подлежащем, но не сказывается ни о каком подлежащем, как, например, «умение читать и писать находится в подлежащем — в душе, но ни о каком подлежащем не говорится как об определенном умении читать и писать»⁹⁹. Третий тип и говорится о подлежащем, и находится в подлежащем, как, например, «знание находится в подлежащем — в душе и о подлежащем — умении читать и писать говорится как о знании». Наконец, четвертый тип, «невозможного сказуемого», не находится ни в каком подлежащем и не говорится ни о каком подлежащем — это единичные чувственно воспринимаемые вещи¹⁰⁰.

Единичные предметы, по Аристотелю, вообще не могут быть сказуемыми, поскольку представляют некоторый предел, не поддающийся ограничению, следовательно, в высказывании с таким сказуемым требовалось бы взять подлежащим нечто меньшее в от-

⁹⁹Там же, 1а 20 – 1б 10.

¹⁰⁰В «Первой Аналитике» это деление производится несколько иначе: «Из всего существующего иное таково, что оно не может истинно сказываться как общее о чем-либо другом, как, например, Клеон и Каллий и все единичное и чувственно воспринимаемое; но о них может сказываться остальное (ибо каждый из них есть человек и живое существо). Иное из существующего таково, что хотя само оно о другом сказывается, но ничто другое, что [было бы] первое его, не сказывается; остальное же таково, что и само сказывается о другом и другое — о нем самом, как, например, “человек” — о Каллии, а “живое существо” — о человеке. Ясно, таким образом, что иное из существующего по своей природе таково, что не может о чем-либо сказываться, ибо каждый чувственно воспринимаемый предмет, пожалуй, таков, что не может о чем-либо сказываться, разве что привходящим образом. Говорим же мы иногда, что то бледное есть Сократ, а то, что идет, — Каллий... Что же касается [наиболее общего], то нельзя доказать, что нечто другое о нем сказывается, разве только на основании мнения, но оно само может сказываться о другом. И точно так же единичное не сказывается о чем-то другом, но другое может сказываться о нем. Наконец, в отношении промежуточного между ними ясно, что возможно и то и другое, а именно и само оно сказывается о другом, и другое — о нем. Рассуждения и исследования имеют своим предметом главным образом, пожалуй, это промежуточное» (43а 25–45, пер. Б. А. Фохта). Здесь вырисовывается несколько иная, тройственная иерархия вещей в их отношении к познанию: первое — это чувственно воспринимаемые единичные вещи; второе — роды и виды, представляющие объект для рассуждения и доказательства; третье — наиболее общее, о чем не высказывается ничто иное, — объект мнения. Первые и вторые вещи соответствуют, таким образом, первым и вторым сущностям «Категорий».

ношение сказуемого, что невозможно. Эти единичные предметы, которые не могут быть сказуемыми, как можно видеть, Аристотель делит на два класса: те, что не находятся ни в каком подлежащем, и те, что могут находиться в определенном подлежащем. Пример первого — отдельный человек; пример второго — грамотность. Но подобным образом делятся и те предметы, которые могут высказываться о подлежащем: одни из них находятся в подлежащем, как «знание», другие — нет, как «человек». Приведенные примеры, таким образом, строго делятся на две группы: то, что находится в подлежащем, как «знание» и «грамотность», и то, что не находится в подлежащем, как человек вообще и отдельный человек, причем первые не сказываются о вторых. «Грамотность» по отношению к «знанию» представляет примерно то же, что и отдельный человек по отношению к «человеку», однако, как можно видеть, свойства их оказываются различны. Те предметы, которые не находятся ни в каком подлежащем (как «человек»), Аристотель называет сущностями, противопоставляя их всему остальному. Соответственно, в наших примерах «человек» — это сущность, а «знание» и «грамотность» — нет, поскольку «общая черта всякой сущности — не находиться в подлежащем»¹⁰¹.

Таким образом, всякое слово, высказанное «без связи», может указывать либо на сущность, либо на что-то иное. Это иное, в свою очередь, делится Аристотелем на количество (отвечающее на вопрос «сколько?»), качество («какое?»), отношение, место («где?»), время («когда?»), положение, обладание, действие и претерпевание. В других текстах Аристотеля количество категорий иногда сокращается до трех: сущность, свойства и «по отношению к чему» (Метафизика, 1089b 20); иногда к первым трем (1069a 19) или пяти (1029b 23) категориям добавляется категория движения (1001b 25–30, 1020a 25–35), а в другом месте вводятся категории места и времени (1069a 23), но противопоставление сущности и всего остального сохраняется везде.

Это учение, в основе которого лежит противопоставление подлежащего и сказуемого, восходит, по всей видимости, не к Платону, но скорее всего к мегарской диалектике, как раз и занимавшейся исследованиями сказуемых (категорем). Другим, более опосредованным историческим предшественником учения о категориях

¹⁰¹ Категории, За 5–10.

представляется наука о правильности имен, развивавшаяся Протагором и Продиком. Действительно, подобно родам и видам Сократа и Платона, категории Аристотеля являются ни чем иным, как специфическим способом распределения имен, в соответствии с которым и может быть установлена их правильность. Однако эта правильность уже не относится к материальной стороне слова — составляющим его буквам и, соответственно, не имеет вида этимологии, но связана со значением имен.

Поэтому одним из любимых методологических приемов Аристотеля является исследование значений слов. В «Топике» описание этого приема находится на втором месте среди способов построения силлогизмов: «Первое — это принятие положений, второе — умение разбирать, в скольких значениях употребляется каждое имя»¹⁰². Примеров использования этого способа у Аристотеля более чем достаточно. Зачастую именно разбор существующих значений того или иного слова заменяет ему определение — нередко именно так, отталкиваясь от обнаруженных таким образом значений слов, он и строит свое учение. Наиболее наглядным примером осуществления этой методологии является пятая книга «Метафизики», практически вся состоящая из анализа словоупотребления основных философских терминов, используемых Аристотелем; впрочем, и в других работах нет недостатка в подобных исследованиях.

Известны различные интерпретации аристотелевского учения о категориях¹⁰³, соотносящие их, как правило, либо с областью бытия, либо мышления, либо с языком. Категории, таким образом, представляются исследователями либо как роды бытия, либо как элементы структуры познания, либо как лингвистические феномены — последнюю точку зрения настойчиво развивал А. Тренделенбург, предложивший следующую таблицу соответствия категорий формам речи¹⁰⁴:

¹⁰²Топика, 105а 20–25.

¹⁰³Обзор современных трактовок категорий Аристотеля см.: Луканин Р. К. Категории Аристотеля в истолковании западноевропейских философов // За рубежом философское антиковедение: Критический анализ. М., 1990. С. 84–103.

¹⁰⁴Схема приводится по: Луканин Р. К. Категории Аристотеля... С. 89; См. также: Маковельский А. О. История логики. М., 1967. С. 121–122.

Сущность	Имя существительное
Качество	Имя прилагательное
Количество	Имя числительное
Отношение	Сравнительная степень прилагательных и наречий, нуждающихся в дополнении
Место и время	Наречия места и времени
Действие и страдание	Глаголы действительного и страдательного залога
Положение	Непереходные глаголы
Обладание	Особенность перфекта глаголов страдательного залога в греческом языке

Перечисленные в правом столбце феномены речи и явились, по мысли Тренделенбурга, источником возникновения соответствующих категорий. Однако, несмотря на очевидную оригинальность, это сопоставление едва ли можно считать удовлетворительным: из всего, что составляет правый столбец, Аристотелю были известны лишь имя и глагол, что же касается существительного, прилагательного, наречия и проч., то они были выделены, каждое в свое время, в течение семисот лет после жизни Аристотеля — частью диалектиками, частью грамматиками. Во времена же Аристотеля грамматика, будучи учением о буквах, очевидно, не могла предоставить никакого материала для диалектики. Касательно же диалектического учения о речи, то, как мы видели, оно также не давало еще возможности для выделения таких явлений, как переходность/непереходность глаголов, степеней сравнения прилагательных и всего остального, что указано в таблице. Предположение Тренделенбурга сразу же вызвало критику со стороны тех, кто усматривал в категориях преимущественно онтологическое или гносеологическое содержание; однако, по нашему мнению, все три трактовки имеют право на существование, и то, что Тренделенбург провел не вполне корректное сопоставление, не может служить основанием для полного отвержения лингвистического смысла категорий. Категории, и это находит прямое подтверждение в тексте аристотелевского трактата, действительно выступают прежде всего как особые разряды слов «сказанных без связи», но соотносятся они не столько с тем, что мы теперь называем частями речи, сколько с членами предложения; все категории являются сказуемыми,

но не все могут быть подлежащими, а только первые четыре, причем сущность в большей степени является для всего подлежащим, а качество, количество и отношение — лишь приводящим образом. При этом не следует забывать о предполагавшейся Аристотелем достаточно тесной связи речи, мысли и вещи, ими отображаемой, так что подлежащее и сказуемое получают не только непосредственную лингвистическую, но и онтологическую, и гносеологическую интерпретации.

Деление частей речи в «Поэтике»

«Речь (λέξις) в целом имеет следующие части: буква, слог, союз, член, имя, глагол, отклонение (падеж), высказывание», — так начинается 20-я глава «Поэтики» (впоследствии это выделение именно восьми частей речи приобрело какое-то особенное и труднодостижимое, почти магическое значение). Последние четыре части речи, перечисленные в «Поэтике», как можно видеть, соответствуют тем, что описаны в трактате «Об истолковании». Но здесь опущены неопределенные имя и глагол, знать о которых нет нужды поэтам, и добавлены буква, слог, союз и член, не отмеченные в «Об истолковании».

Буква (στοιχεῖον) определяется Аристотелем как неделимый звук, способный произвести звук осмысленный (неделимые звуки производятся и животными, но они не являются буквами); буквы делятся на гласные, полугласные и безгласные. Слог (συλλαβή) есть незначащий звук, сложенный из безгласной и гласной или полугласной буквы. Союз (σύνδεσμος) — незначащий звук, «который не мешает и не содействует сложению единого значащего звука, возникшего из многих звуков: [он ставится] и на концах, и в середине предложения, хотя в начале его не может стоять сам по себе, [а только при другом слове], как μήν («конечно», «право»), δη («конечно», «так»), τοι («конечно», «точно»), δέ («вот этот», «этот именно»). Или это незначащий звук, который из нескольких значащих звуков может образовать один значащий звук, [как ὀμφί περὶ («около», «кругом») и тому подобное]»¹⁰⁵. Член (ἄρθρον) есть «незначащий звук, показывающий начало, конец или разделение высказывания», или же «незначащий звук, который не мешает

¹⁰⁵Поэтика, 1456 b20 – 1457a 5.

и не содействует [сложению] единого значащего звука из многих звуков и может ставиться и на концах, и в середине высказывания»¹⁰⁶.

Впрочем, из приведенных определений не вполне ясна разница между союзами и членами — те и другие могут стоять в конце и середине предложения и относиться к незначащим звукам. Примеры союзов указывают не столько на союзы в привычном для нас смысле, сколько вообще на слова, употребляющиеся для связи; в то же время члены, показывающие «разделение высказывания», более близки к современному пониманию союзов¹⁰⁷. Таковы определения четырех *незначащих* (т. е. не указывающих непосредственно на какие-либо предметы или их действия) частей речи, упоминаемые о которых отсутствует в трактате «Об истолковании». По всей видимости, Аристотель полагал, что незначащие части речи в меньшей степени представляют интерес для диалектики¹⁰⁸, и, соответственно, поместил их лишь в поэтическое руководство пользования речью.

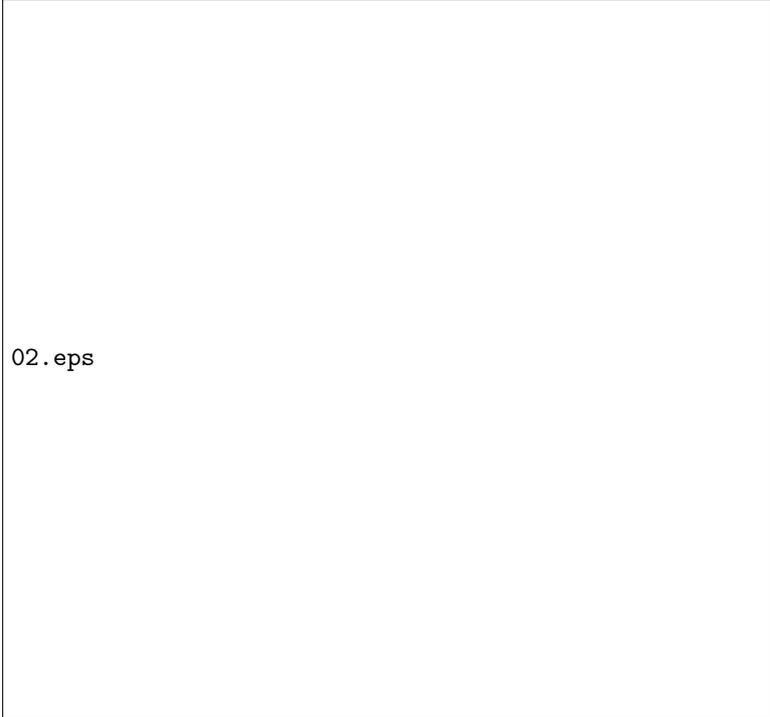
Следующие четыре части речи: имя, глагол, падеж и высказывание относятся уже к значащим частям речи; их определения подобны тем, что даны в «Об истолковании», но имеются и некоторые отличия. Так, имя (*ὄνομα*) определяется как «звук сложный, значащий, без [признака] времени и такой, части которого сами по себе незначащи». Глагол (*ῥῆμα*) — «звук сложный, значащий, с признаком времени и такой, части которого сами по себе незначащи»¹⁰⁹. «Падеж (*πτῶσις*) имени и глагола — это когда они обозначают “кого?”, “кому?” и тому подобное», или же число, вопрос, просьбу или приказание (последнее — только для глагола). Наконец, речь (*λόγος*) — «звук сложный, значащий и такой, части которого сами

¹⁰⁶Там же, 1457а 5–10.

¹⁰⁷Затруднения в интерпретации союзов и членов в грамматической теории Аристотеля рассмотрены, в частности, И. Троцким в примечаниях к сборнику «Античные теории языка и стиля» (с. 314–315), а также см.: *Перельмутер И. А. Аристотель // История лингвистических учений. Древний мир. Л., 1980.*

¹⁰⁸Впрочем, в «Первой Аналитике» Аристотель указывает на смысловозначительную функцию члена, близкую к современному квантору общности: «Так как высказывание “удовольствие есть благо (*ἀγαθόν*)” не то же самое, что высказывание “удовольствие есть благо [вообще] (*τὸ ἀγαθόν*)”, то эти термины нельзя брать одинаково» (49b 10).

¹⁰⁹Там же, 1457а 10–15.

02.eps

Схема 2. Деление частей речи по трактату «Поэтика».

по себе значащи»¹¹⁰. На схеме 2 представлено учение Аристотеля о частях речи согласно «Поэтики».

Итак, к тем критериям, на основе которых были выделены части речи в трактате «Об истолковании», здесь добавлен критерий делимости/неделимости, а также подробно рассмотрены незначащие части речи, исключены неопределенные имя и глагол, отсутствует выделение высказывания и различение утверждающих и отрицающих высказываний. Обе классификации, таким образом, взаимно дополняют друг друга и восходят к общим основаниям философии Аристотеля. Так, например, критерий делимости/неделимости относится к внешней, материальной стороне слова как знака, а на-

¹¹⁰Там же, 1457a 15–20.

личие/отсутствие значения — к его формальной стороне. Сущность знака в том, чтобы обладать значением, поэтому значение и определяет форму знака. Материальная же его часть может быть различной: в словах — это звуки или буквы (в античности часто не различали специально звук и букву, обозначающую этот звук): «...звуки речи у слогов, материал изделий — все они причины этих вещей в значении того, из чего эти вещи состоят»¹¹¹.

Помимо этой собственно теоретической части, составляющей содержание 20-й главы «Поэтики», в 21-й главе содержатся некоторые результаты наблюдения Аристотеля и над особенностями речи, нужными уже более поэтам, чем диалектикам: так, имена делятся Стагиристом, во-первых, на простые и составные, во-вторых, на общеупотребительные, редкие, переносные, украшательные, сочиненные, удлинненные, укороченные и измененные. Имена также разделяются по роду на мужские, женские и средние, как у Протагора. 22-я глава «Поэтики» посвящена достоинствам речи, каковых Аристотель усматривает два: «быть ясной и не быть низкой».

Таковы основоположения аристотелевского учения о речи, изложенного в «Об истолковании» и «Поэтике». Как можно видеть, во многом Аристотель продолжает ту линию, которая была намечена его учителем, пытаясь, тем не менее, построить учение о речи в свою собственную философскую систему. Так, если у Платона исследования имен и частей речи производились под явным влиянием его учения об идеях, о соотношении бытия и небытия и проч., то для Аристотеля такую же методологическую роль выполняют различение бытия в возможности и бытия в действительности, материи и формы, а также другие существенные положения его доктрины.

Итак, можно сказать, что учение о речи составляет достаточно важный компонент философии Аристотеля; однако, несмотря на обилие у него непосредственных и опосредованных обращений к анализу языковых форм, следует еще раз подчеркнуть, что философ не усматривал в языке самостоятельной ценности, считая его прежде всего средством; именно поэтому его учение о речи и составляет лишь элемент его диалектики, поэтики и риторики, т. е. тех искусств, которые имеют к речи непосредственное отношение, и излагает Аристотель это учение, соответственно, подчиняя его своим главенствующим целям. Между тем, хотя учение о речи со-

¹¹¹Метафизика, 1013b.

ставляет лишь элемент указанных наук, но этот элемент — необходимый, поскольку и сама речь составляет необходимое условие всякого познания. Но при этом, продолжая в общем-то развивать тот инструментальный взгляд на природу речи, который впервые был обозначен софистами, в отношении приложения речи Аристотель занимает, пожалуй, прямо противоположную позицию. Если Протагор пытался заменить словесным анализом анализ самих вещей, что и позволило ему добиться известного универсализма своего метода, то Аристотель предпочитал (по крайней мере, на словах) обратное движение — от вещей к словам и в восходящей к элеатам триаде вещь—мысль—слово особенно выделял первый компонент, подчиняя ему остальные.

Учение Аристотеля развивалось его последователями-перипатетиками, диалектика которых принимает более формальный (т. е. менее связанный с онтологией) характер, а также частично было воспринято диалектиками других школ. В одноименных сочинениях Теофраста и Евдема «Περὶ λέξεως» («О словах», или «О словесных выражениях») анализируются различные софизмы «от оборотов речи», а попутно излагаются и начала языковой теории. В книге Теофраста «Об утверждениях» развиваются положения из трактата «Об истолковании». Ему же принадлежит и книга «Об элементах речи» (Περὶ τῶν λόγων στοιχείων), продолжающая ту линию исследования частей речи, которая намечена в двадцатой главе «Поэтики» и первых главах «Об истолковании».

§ 5. Языковая теория Древней Стои

В отличие от Платона и Аристотеля, много воспринявших от онтологических новаций Сократа, стоики продолжали более формальную диалектику мегариков. В первую очередь, это выразилось в устойчивом предпочтении мудрецами Стои условно-категорического силлогизма и в значительно меньшем внимании к родо-видовым отношениям. Среди сочинений основателя Стои Зенона Китийского, имеющих непосредственное отношение к языковой теории, укажем работы «О словах» и «О знаках»; его преемнику Клеанфу принадлежат книги «Об оборотах» (Περὶ μεταλήψεως) и «О сказуемых» (Περὶ κατηγορημάτων); что же касается диалекти-